

ГАСТРОЛИ

— Вам какой бутерброд? С сыром или ветчиной?

— Вина? Кофе? Чай? — спрашивает со сцены кучерявый очкарик зрителей первого ряда. Так начинается "Мойщик окон" знаменитой танцевальной труппы Пины Бауш из Германии. Но ни мойщика, ни танца как такового публика, разноразличившая три вечера театр им. Моссовета, особенно не увидела. Потому что здесь кормили, давали прикурить, требовали предъявить билеты и творили невообразимое. Это и была главная интрига от хореографа Пины Бауш.

Но лучше все по порядку. Зал забит до отказа, сидят в проходах, на лестницах, разве что не висят на люстрах. На сцене насыпана огромная гора из маков. Эта алая куча кажется живой: дышит, чувственно шевелит лепестками. А вокруг — одиночки, пары, группы персонажей со своей жизнью и заморочками. Странная особа в пышном газовом платье вскидывает руки и на ломаном русском вещает:

— Доброе утро! Какой чудесный дэн! (Так пять или семь раз.)

Пара восточных девушек с танцем рук. На их светлых платьях маки, тоже алые. Пружинной выскакивает на сцену невысокий, но с хорошей фигурой парень и протанцовывает свой короткий, как автоматная очередь, пружинный танец.

Взрыв. И другой резким броском через всю сцену падает к ногам женщин (так пять раз). Женщины в шелковых платьях до щиколоток и на каблуках. На платьях — опять же красные цветы. А сами цветы падают сверху и летят в воздух со сцены, точно фейерверк.

Экран раскрывается и сворачивается, как папирус. На экране ребенок не то с летающей рыбой, не то с плавающей птицей. Под экраном — танцы, падения, невеста на велосипеде, человек с тазом и помозком, женщина со строгим взглядом и вызывающим декольте. Европейские, азиатские и латиноамериканские лица — труппа-то у Бауш интернациональная. Но специально для гастролей в Москве выучили спектакль на русском языке.

— Вам вино или воду? — не может угомониться очкарик, по виду выпускник технического колледжа. И не вздумайте с ним шутить, принесет все, что попросите, к радости зала.

— Бутерброд? А может, сигарету?

И в зал протягивается пачка. Но пока счастливый обладатель дожевывает бутерброд, выносят черный стол из дерева и на него вверх ногами привязывают парня с хорошей фигурой, но уже только в алых плавах. У лица и ног его устанавливают пару ведер с водой. Тот, что в плавах, зачерпывает кружкой из нижнего и, оторвавшись спиной от стола, переливает воду в верхнее ведро. Его труд напрасен, потому что

АЛЫЕ МАКИ — ЭМБЛЕМА ПЕЧАЛИ?

другой тип содержимое верхнего ведра опять отправляет в нижнее. Но обладатель алых плавок не расстроится, а будет терпеливо продолжать свой сизифов труд.

Правда, все это совсем не мешает параллельно женщинам на каблуках танцевать с мужчинами, которые рок-н-ролл выдают... лежа на полу у дамских лакированных туфелек. Ух! Не успеваем перевести дух, а уже четверо мужиков на здоровенных носилках выносят желтый "Мерседес" в натуральную величину. Ядовитость желтизны мешает с доминантой алого цвета. Перед авто, раскинув руки, с коротким криком навзничь падает раскосая девушка. Такси уносит. Выезжает десяток велосипедистов.

И вот наконец появляется мойщик окон, который на веревочных качелях молча уплывает под колосники. За время подъема успевает сделать несколько нетщательных движений мыльной

Такого зрелища Москва давно не видела

губкой по занавесу из целлофана. Впрочем, недомытый занавес исчезает так же быстро, как и сам загадочный мойщик.

Вся сцена и воздух в алых цветах — это финал первого акта. Каким же тогда будет общий, если вся красота продана в первом?

— Банан или апельсин? — не может успокоиться черноволосый и кучерявый очкарик.

Стоп! Стоп! Стоп, госпожа Бауш. Дайте передохнуть от ваших фантазий, чтобы спросить, подобно большинству критиков, много лет изводящих вас вопросом: "А где же танец? Мало танца!" Но немолдая суховатая немка не дает публике и паузы на передых, не растрачивается на пустые ответы. Она делает спектакли, кото-

рые сотканы из живописи, юмора, движения, скорости и медитаций. Из фантазий, которые кажутся безумными, но отчего-то этим безумием хочется упиться, как легким и дорогим вином.

Во-первых, за здоровье госпожи Бауш, которая так легко сплела и увязала несочетаемое: высочайший эстетизм и демократизм, допустимый разве что на манеже с коверными. Только коверная имеет у Бауш вид роковой красавицы из гестаповского застенка: черные волнистые волосы на прямой пробор, черные глаза на выбеленном лице, черная юбка до колен и пиджак с вызывающим декольте.

— Ваш билет! — Металлический голос и луч фонарика бьют в лицо зрителя.

— Это не ваше место, пересядьте!

Уходит, чтобы через несколько минут выйти и продекламировать:

— Я хотела бы быть снегом в середине августа. Я хотела бы таять по кромке...

Уходит. Выезжает с десятка велосипедистов, и в это время чуть левее по черному столу карабкается женщина в черном платье, но ее со стола стряхивает мужчина. Женщина ползла, а мужчина не позволил — как это знакомо. Так же, как и глупое упрямство обаяшки-самца, который на горных лыжах упорно съезжает с алой горы, пока сидящая на ней мулатка в лиловом платье читает из письма: "Тете твоего дядю Антонию нужны новые колготки. У нее вены..."

Интернациональная труппа Пины Бауш универсальна. Нет, не то слово — она настолько свободна, что до невозможности органична и в слове, и в жесте. Движение — от плавного до взрывного, от штиля до группового тайфуна. Слово — от звука до полифонии. И ни одна сцена не обходится без юмора. Юмор обозначен одним мазком, когда мойщик окон бритвой "Золинген" бреет ногу парня в алых плавах, подвешенного вверх ногами. Или в крике женщины: "Такси!" — она взмахивает рукой с красной сумочкой, не замечая, что вместе с ней поднимается красная юбка и все видят белые трусики дамы. Юмор в монологе роковой женщины, которая на самом деле хочет таять, как снежинка в августе.

И так бесконечно, пока в финале вся труппа не начнет печально карабкаться на алую гору, как на пик Коммунизма, как на ледник, на зыбучие пески. И в данном случае это не образ. Пина Бауш вместе со своим художником на точную гору и экран за ней дает проекцию пустыни, горного массива, моря с яхтами на рейде. Пина Бауш в "Мойщике окон" обозначила свою жизнь — дорога, усыпанная цветами. Дорога эта красная и бесконечная, что как образ читается двусмысленно. Красная не значит красивая. Красная может быть и кровавой, но то и другое у Бауш — прекрасно. Зрелище с более чем приземленным названием обернулось праздником жизни.

Марина РАЙКИНА.